

ГЛАВА 16. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ОТ МИРОПОРЯДКА К МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА

Н.А.Косолапов

Глобализация, интенсивно развернувшаяся с последней трети XX века (как бы ни определять ее сущность, направленность, текущие и перспективные итоги), есть некий порядок современных отношений в мире (подчеркнем: отношений, не тождественных международным и не сводящихся только к последним). Всякий же порядок предполагает организацию и невозможен помимо нее. В этом смысле порядок есть всегда конкретная форма организации или самоорганизации. Поэтому и глобализация не только может потребовать со временем некоего организационного оформления, но уже сама объективно создает его.

Поскольку глобализация мировой экономики, политики, военного дела, коммуникаций, науки и культуры так или иначе затрагивает все важнейшие сферы современной жизни, то и привносимые ею новые организационные вызовы, факторы, последствия наблюдаются также во всех сферах: во внутренней жизни государств, в международных отношениях и на «стыке» внутренней, внешней и международной деятельности государства¹. Из многообразия организационных аспектов и последствий глобализации предметом анализа в данной статье является лишь одна, но крайне важная их разновидность — международно-политическая, прямо и непосредственно связанная с оформлением глобализации как определенного мирового порядка.

Вопрос: что это за миропорядок, как можно определить его тип и природу, общую направленность и наиболее вероятные тенденции развития на пересечении теории международных отношений (поскольку речь идет прежде всего о них), теории организации (поскольку мы говорим о некоем порядке) и политической теории (поскольку этот порядок предполагает, скорее всего, некое его оформление в праве, механизмах и институтах глобальных политических отношений)?²

В российской литературе и политической публицистике заявлены на протяжении 1990-х годов три взгляда на природу глобализации и характер ее международно-политического оформления. Одни (главным образом геополитики и выраженные националисты) усматривают в глобализации лишь форму мирового лидерства, доминирования или даже господства США, сложившуюся к концу XX века преимуществен-

¹ Внутреннее подпадает под данный суверенитет; внешнее — то, что под данный суверенитет не подпадает; международное — то, что не подпадает ни под один из суверенитетов.

но вследствие исчезновения бывшей второй сверхдержавы — СССР, — и трансформации тем самым биполярного мира в монополярный.

Значительно более многочисленная и внутренне разнообразная когорта исследователей (включающая экономистов, международных политологов, экологов, видных представителей естественных наук) видит в глобализации обусловленный объективными причинами процесс и качественный этап мирового развития, не зависящий или в малой степени зависящий от эгоистических интересов, побуждений, политик отдельных стран или групп государств, не исключая США.

Наконец, третьи (к их числу принадлежит и автор) полагают, что имеет место сочетание объективной динамики мирового развития с более или менее четко заявленными, подкрепляемыми практически претензиями США на направление такого развития, лидерство (а по возможности и необходимости — прямое доминирование) в нем. В рамках этого подхода нередко высказывается мысль, что современный мир слишком многогранен и сложен, чтобы в нем стало возможным господство какой-то одной державы (что в принципе не исключает, однако, возможности «коллективного господства» группы ведущих стран, своего рода «государств-олигархов»).

Каждый из названных подходов фактически является гипотезой предстоящего мирового развития и диктует свои, разные до противоположности, выводы и рекомендации для политики России в вопросах национальной безопасности, выбора стратегии развития и отношений с внешним миром, включая отношение к глобализации.

Если «глобализирующийся мир» — не более чем эвфемизм для обозначения мирового доминирования или господства США, то все остальные государства (включая Россию, ВВП которой не превышал на протяжении 1990-х годов 7-8 процентов от американского), могут существовать в такой системе лишь в подчиненном, подавленном, угнетенном положении. Не обладая экономическим потенциалом, чтобы напрямую противостоять давлению и диктату США, такие государства не должны быть заинтересованы и в том, чтобы излишне ревностно включаться в процессы глобализации (кроме случаев, когда выгоды участия реальны и несомненны, или же когда нажим США не оставляет этим странам иной альтернативы). Если глобализация — лишь форма мирового господства США, то в долгосрочной перспективе все или большинство государств должны быть заинтересованы в свержении их господства, подрыве процессов глобализации, обращении их вспять. А значит, должны крайне сдержанно относиться к политическому закреплению глобализации как миропорядка, блокировать, де-факто саботировать по возможности его формирование и функционирование.

Если же глобализация — обусловленный объективными причинами процесс и качественный этап мирового развития, то в интересах любой страны по возможности раньше, полнее присоединиться к нему, войти в него, занять в нем значимое для себя место и использовать открываемые глобализацией возможности в целях собственных

роста, развития. Такая заинтересованность стран в глобализации не только законна, неэгоистична; она закономерна и, более того, необходима для естественного продвижения самой глобализации. А государства должны быть заинтересованы и в том, чтобы придать глобализации такое международно-политическое оформление, которое позволяло бы максимизировать позитивную отдачу глобализации в пользу стран-участниц подобного глобального миропорядка, одновременно сводя до возможного минимума ее сопутствующие издержки. Конечно, мир не был бы ни идеальным, ни свободным от конфликтов; в нем еще долго сохранялось бы фактическое доминирование и, вероятно, лидерство США; но он принципиально отличался бы от описанной выше «модели» господства одной державы.

Наконец, сочетание более или менее выраженного доминирования США с теми элементами глобализации, что обусловлены объективным ходом исторического развития, ставило бы большинство стран мира перед необходимостью как-то ограничивать имперско-эгоистические притязания и поползновения США (что, очевидно, будет непростой задачей) и одновременно содействовать процессам глобализации в той их части, которая наиболее отвечала бы интересам конкретных государств. Поскольку, однако, эти интересы существенно различны, можно уверенно прогнозировать неизбежность стратификации стран по социально-экономическим, политическим, многим иным критериям, что объективно открывает для США возможности проведения классической политики «разделяй и властвуй» с закреплением наиболее важных для США и Запада в целом ее аспектов в нормах международного права и институтах мирового порядка (включая «принуждение к миру» и управление последствиями международных конфликтов).

Проблема международно-политической организации все более глобализирующегося мира, таким образом, актуальна политически и практически; многовариантна по возможным траекториям ее эволюции; неизбежно сопряжена с самыми серьезными последствиями и выводами для национальной безопасности и перспектив развития всех стран современного мира (включая, разумеется, Россию); и при этом не ставилась и не исследована специально как проблема организации и/или самоорганизации в отечественной и мировой литературе.

Цель статьи — проанализировать в предварительном порядке методом «идеальной модели» (М.Вебер) проблему международно-политической организации глобализирующегося мира; оценить наличие необходимых и достаточных к тому предпосылок, достигнутый к рубежу XX-XXI веков уровень (этап) такой организации; а также теоретически возможные пути формирования и типы (модели) его потенциальной организации в среднесрочной (в пределах 2010 г.) перспективе. Это предполагает, что будут определены ключевые для нашего анализа категории: «организация» (а также «социальная» и «международно-политическая организация»), понятие организации применительно к международным отношениям, категории «мировой порядок», «международные отношения», «глобализация».

Заявленный анализ потребует также рассмотрения (вынужденно общего) понятия и сущности глобализации; диалектики глобализации и целостности мира; основных, отчасти противоборствующих, но и взаимодополняющих тенденций в постсоветской системе международных отношений — исторически непрекращающейся борьбы между субъектами мировой политики и международных отношений (геополитической), в целом стихийного, но закономерного развития мира (эволюционной) и осознанно направляемого развития (интеграционной); а также тех форм (моделей), которые могут принять в обозримой перспективе процессы самоорганизации и организации в международной сфере. Статья не ставит цели и задач систематизации или анализа научных и особенно политических подходов к рассматриваемой проблеме.

I. Международные отношения как процесс самоорганизации социально-исторического развития

Вопрос, как правило, игнорируемый специалистами по проблемам мировой политики и экономики — на какой шкале времени должны или фактически рассматриваются международные отношения¹. Они могут анализироваться в четко обозначенных временных рамках (текущее состояние отношений; их эволюция или тенденции за определенный, но не «безразмерный» период). Тогда изучаемые отношения предстают как некий комплекс взаимодействий между их субъектами, чаще всего государствами. При этом конкретные государства в силу исторически значительной продолжительности их существования (за отдельными, подтверждающими правило исключениями) предстают как относительно неизменный или медленно, редко меняющийся компонент международных отношений, тогда как сами эти отношения на подобном фоне кажутся весьма динамичными, подвижными, изменчивыми. Это впечатление подкрепляется непосредственным опытом: исчезновение лишь одного (правда, заметного) государства — СССР — в корне изменило всю систему международных отношений, хотя во всех остальных странах даже отдаленно похожих перемен не произошло.

Но международные отношения можно, правомерно и необходимо рассматривать также в рамках исторического процесса, как явление, а не только привязанную к определенным эпохе, периоду, этапу конкретизацию этого явления. При таком подходе ясно обозначаются принципиально значимые функции и свойства, качества международных отношений, трудно улавливаемые или неразличимые в повсе-

¹ О роли времени в социально-исторических процессах, о теории и методологических аспектах проблемы социального времени см. первую в отечественной и одну из лучших в мировой литературе работу И.М.Савельевой и А.В.Полетаева «История и время. В поисках утраченного» (М., 1997). См. также: Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994. Гл. 5; Политическая психология. М., 2000. С. 62-88.

дневности. Весь пройденный человечеством путь — это история становления одних социумов, этносов и государств и разрушения других. Причем и то, и другое неизменно происходило и происходит через сферу международных отношений, в теснейшем переплетении и взаимовлиянии внутренних для данного общества, внешних по отношению к нему и международных факторов. При этом как отдельные общества, особенно наиболее сильные и влиятельные из них, воздействуют на характер, структуру, специфику международных отношений своего времени (но никогда не определяют все это целиком и полностью), так и сами международные отношения влияют на положение, развитие, внутреннюю жизнь каждого общества, причем сильнее всего именно тех обществ и стран, которые играют наибольшую роль в данной системе отношений.

Социально-историческое развитие народов, стран, государств и развитие международных отношений оказываются неразделимы. Нетрудно показать, что без и помимо международных отношений никакое социальное развитие отдельно взятых этносов, равно как и мировое развитие в целом были бы невозможны¹. Международные отношения при этом обеспечивают стимулы, мотивацию, а во многом и ресурсы для развития; оказываются специфической сферой общения, посредством которой становится возможным и реализуется развитие их субъектов и самих международных отношений; и одновременно выступают верификатором и мерилем развития, расставляя субъекты сообразно их реальным духовным и материальным достижениям. Таким образом, международные отношения оказываются во всех этих смыслах осязаемым путем и процессом социально-исторического развития: не его умозрительной, концептуальной схемой, но реальной жизнью во плоти и, очень часто, крови.

В таком случае всякая организация международных отношений тем самым выступает и как организация социально-исторического процесса, мирового развития. Естественно, эти взаимосвязи никогда не были и вряд ли будут механическими — слишком сложны и крайне растянуты во времени процессы, о которых идет речь. Тем не менее, такие взаимосвязи не могут не существовать. Отсюда следует вывод принципиального значения: невозможно понять, охарактеризовать с научными полнотой и достоверностью международные отношения любого конкретного периода (их содержание, направленность, специфику), не соотнося их с соответствующим этапом социально-исторического развития мира и его основных субъектов, а также с исторической эволюцией международных отношений как явления в целом.

В нередком игнорировании необходимости такого соотнесения — причины незавершенности, неубедительности всех попыток опре-

¹ См. статьи автора: Международные отношения как специфический тип общения // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 6; Развитие международного общения и кодификация международных отношений // Там же. 1999. № 10; Международные отношения и мировое развитие // Там же. 2000. № 2.

делить международные отношения, исходя из них самих, как явление в себе. Вот несколько весьма характерных в этом плане примеров (в порядке их появления в печати). В самом конце 1950-х гг. один из иерархов теории международных отношений К.Уолтц центральный их признак усматривал в «беззаконной анархии», отсутствии здесь какого-либо общепринятого закона¹. Десятилетие спустя другой американец, Р.Мастерс полагал, что «мировая политическая система во многих отношениях напоминает первобытную», хотя и замечал, что «уж если мы говорим о международной анархии, хорошо бы не забывать, что мы имеем дело с анархией все-таки упорядоченной»². Его статья так и называлась: «Мировая политика как первобытная политическая система». Мощную поддержку оказывала подобным взглядам — и сама на них держалась — господствовавшая всю вторую половину XX века теория «политического реализма». Ее основоположник Г.Моргентау в шестом издании давно числящейся классической работы повторил то, что провозгласил еще в первом: «Государственные деятели мыслят и действуют в терминах интереса, определяемого как сила. [Поэтому — Н.К.] Мировая политика есть политика силы»³. Там, где правит сила, международные отношения не могут быть ничем иным как анархией, хотя и «относительной», соглашается новый авторитет американской теории международных отношений М.Нинчич⁴ уже на финише 1980-х. Наконец, вышедший в 1998 г. словарь «Международные отношения» определяет свой предмет как «все виды взаимодействий между базирующимися в пределах государства субъектами, осуществляемые с пересечением государственных границ (all interactions between state-based actors across state boundaries)»⁵. Парадоксально, но межгосударственные отношения, кажется, вообще выпадают из подобного понимания отношений международных, интуитивно воспринимаемых авторами «Словаря» явно как хаотические (а иными они и не могут быть, если включают все — от политики до частной активности граждан, в том числе преступной).

Все приведенные определения (и десятки других, им подобных) объединены несколькими общими признаками. «Международное» для их авторов и сторонников тождественно или синоним «трансграничного». «Международные отношения» отождествляются с «мировой политикой», то есть рассматриваются в предельно конкретных их выражениях, а не как явление. При этом сами отношения оказываются абсолютно или решающим образом лишены какого-либо упорядочи-

¹ Waltz K. Political Philosophy and the Study of International Relations // Fox W.T.R. (ed) Theoretical Aspects of International Relations. Notre Dame, 1959. P. 51.

² Masters R. World Politics as Primitive Political System // Handrieder W. (ed) Comparative Foreign Policy: Theoretical Essays. N.Y., 1971. P. 229, 230.

³ Morgenthau H. Politics Among Nations. 6th edition. N.Y., 1985. P. 37.

⁴ Nincic M. Anatomy of Hostility. N.Y., 1989. P. 24.

⁵ Evans G., Newnham J. Dictionary of International Relations. L., 1998. P. 274.

вающего их начала, любых, даже наиминимальных и наислабейших форм их организации. Но тогда неизбежен вопрос, чем международные отношения древнего мира принципиально отличались от современных? Если же возникновение международных отношений связывать лишь с появлением современного государства (то есть изолировать их по существу от всей истории, за исключением последних 300-200 или даже менее лет), то тогда тем более непонятно, как такие, уже достаточно развитые отношения между относительно высокоразвитыми субъектами вписываются в те их определения, что цитировались выше?

В любом случае, при взгляде на международные отношения в их отрыве от мирового развития и эволюции этих отношений как явления неправомерна сама постановка вопроса о международно-политической организации чего-либо. Кроме того, неизбежны и серьезные сомнения по поводу того, имеет ли глобализация какое-либо значение для международных отношений: ведь если последние до сих пор никак не зависели от достигнутого уровня социально-исторического развития мира и субъектов международных отношений, логично ожидать, что подобное положение сохранится и впредь. Несостоятельность каждого из этих допущений представляется самоочевидной.

Но в теории международных отношений существует иной подход к определению ее предмета. При многих различиях между школами и авторами этого направления (основу которого составляют различные вариации системного и системно-структурного подходов) истоки его восходят к работам М.Каплана, взявшего за основу взгляды У.Росс Эшби. Международные отношения предстают тут некоей целостной системой (следовательно, им изначально присущи как способность к организации, так и потребность в ней, и некоторый ее, пусть даже минимальный, уровень). В рамках целостной системы (как бы она не определялась и не описывалась) ведущую роль играют подсистемы и структурные компоненты — а значит, международные отношения по определению не могут быть тождественны ни межличностным, ни любым трансграничным. Это отношения особых качества и сложности, возможные и возникающие только между специфическими субъектами: государствами, интеграциями, транснациональными корпорациями, международными организациями. Главный объединяющий эти субъекты признак — все они сами являются достаточно продвинутой, сложной (притом самой сложной для своего времени) формой социальной организации¹. Принципиально значимой чертой международных отношений оказывается, таким образом, то, что они осуществляются между социальными структурами, сложными социальными

¹ О системных подходах к исследованию международных отношений см.: Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976. С. 216-251, 301-333; Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976; Система, структура и процесс развития современных международных отношений. М., 1984.

субъектами¹ (о других признаках ниже). Тогда постановка вопроса о международно-политической организации процессов международной жизни не просто правомерна, допустима; она неизбежна и необходима для понимания международных отношений, логики и направленности их эволюции в реальном и историческом времени.

Автором было в свое время предложено следующее определение: международные отношения суть отношения, связи, вообще любые взаимодействия внутренне хотя бы минимально оформленных, организованных социумов, осуществляемые в духовном, социально-политическом и физическом пространствах, в которых еще не выработаны, не установились никакие стандарты, критерии, нормы общности либо процессы их выработки, признания и закрепления носят еще исторически начальный характер, а фактические итоги и продукты таких процессов качественно, как минимум, на порядок отстают от достигнутого во внутрисоциальных отношениях². Суть и смысл международных отношений, однако, не в закреплении навечно подобного порядка вещей, но в том, что по мере их осуществления и через них осуществляется развитие каждого из участников отношений и мировой системы в целом.

Тогда международные отношения как явление возникают, когда появляются хотя бы два внутренне оформленных социума, добровольно или вынужденно вступающие в постоянные взаимодействия, отношения друг с другом. Международные отношения как явление исчерпывают себя, если и когда ранее участвовавшие в них социумы объединяются в единое, властно оформленное целое, где все связи, отношения и взаимодействия формально с момента объединения, а фактически даже раньше (иначе не возникало бы необходимости в объединении) принимают внутренний характер. Естественно, оба эти крайних состояния — идеальные модели; реальные международные отношения и их субъекты обычно пребывают в промежуточном между описанными «полюсами» положении.

Одно из преимуществ приведенного выше определения — в том, что оно приложимо к (так понимаемым) международным отношениям любой эпохи и тем самым открывает путь к дефиниции яв-

¹ Под сложным социальным субъектом часто понимают организацию, выражая такую трактовку в праве — категорией «юридического лица», в экономике — «хозяйствующего субъекта», в теории политики — «субъекта политического процесса», в теории международных отношений — «актора». В традиции советского истмата было принято считать субъектами народ как творца Истории, класс, партию и т.п. Вместе с тем совокупность некоторого числа людей не обязательно образует целостный социальный субъект. Анализ этого вопроса см.: Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994.

² См.: Косолапов Н.А. Теория международных отношений: предмет анализа и предмет теории // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11.

ния (а не только его конкретных случаев) и увязке анализа текущих отношений с изучением исторической эволюции явления в целом.

Если некое организованное и организующее начало неотъемлемо присуще международным отношениям, то принципиальное значение обретает вопрос, вносится ли оно в фактические отношения стихийно или же возникает как следствие и/или результат целенаправленной и осознанной деятельности людей (институтов, государств). Иными словами, о каком типе организации — стихийной самоорганизации, направляемой организующей воле или сочетании того и другого, — должна идти речь применительно к рассматриваемой проблеме.

Вопрос соотношения стихийного и осознанного начал в истории, включая международные отношения — одна из сложнейших философских проблем, вряд ли имеющая решение в нынешней, механистической ее постановке. Тем более неразрешима она в рамках отдельной статьи. Но поскольку вопрос «глобализируется ли мир “сам”, или же его преобразуют в этом направлении люди?» принципиален для нашего анализа, ограничимся изложением нескольких общих предположений.

Стихия начинается (или сохраняется) за текущими пределами сочетания знаний, информированности, практических возможностей и потребностей социума. Ключевые слова — «текущие», «сочетания», «социума». Знания, информированность, возможности человека хотя исторически возрастают, но в реальном масштабе времени нередко переживают периоды регресса. Мера их действительности определяется сочетанием, одновременным наличием всех необходимых предпосылок: информация нуждается в опоре на знания; знания «не работают» без конкретной информации и опоры на реальные возможности (включая социальные условия); последние могут дать ожидаемый результат лишь если применяются сообразно знаниям и предметной информации. Чтобы такое применение состоялось, в нем должна быть социальная потребность. Все элементы для достижения результата должны быть в распоряжении данного социума, а не «человечества вообще», притом быть доступны ему «здесь и сейчас».

Правомерно предположить, что при прочих равных условиях, чем о более масштабных и сложных процессах идет речь; чем крупнее вовлеченные в них социальные, материальные и иные ресурсы; чем более отдален во времени ожидаемый результат; чем более долгие и масштабные усилия нужны для его достижения — тем проблематичнее достижение сочетаемости всех перечисленных выше условий «здесь и сейчас» применительно к обществу, государству, региональной группировке, тем более мировому сообществу; тем, следовательно, большую роль будет играть стихийное начало; и тем значительнее, по всей вероятности, должен быть эффект «аккумуляции стихии» и приносимых ею итогов по мере удаления во времени от начального момента приложения человеком некоего направляющего воздействия на те или иные процессы.

Конечно, человеку свойственно стремиться к тому, для чего в его современности нет (а возможно, никогда не будет) необходимых

условий. Социальные утопии, химеры, одержимости — не только опыт самонадеянности, невежества, нравственного примитивизма, а подчас и преступлений. Это еще и путь социально-исторического познания, и плата за него: опровергая свои более ранние неверные гипотезы, человек выходит не только на новое знание, но и на новые иллюзии, заблуждения и гипотезы. Насилюя историю, ставя социальные и иные эксперименты, время которых не пришло или никогда не наступит, мы не избавляемся от стихийности, но умножаем ее, добавляя к стихии естественной и неизбежной ту, что порождена реакцией внешнего мира на человеческие авантюризм, полужнание, безответственность.

Применительно к явлению и процессам глобализации, о сути которой ниже, такой подход позволяет видеть наличие и субъектов, заинтересованных в глобализации, стремящихся продвигать ее в желаемом для них направлении (а примерно с рубежа 1980-х гг. — и «антиглобалистов», стремящихся затормозить, повернуть ее вспять), и многочисленные и многообразные объективные процессы, толкающие мир в сторону глобализации. Не отрицая и не преуменьшая роли осознанного, целенаправленного, субъективного начала, автор все же убежден, что по крайней мере до настоящего времени стихийному началу принадлежала в процессах глобализации ведущая роль.

Прежде всего, весь ход мирового развития, включая развитие государств и иных социумов, субъектов международных отношений, на всем протяжении истории были и пока остаются в целом стихийными. Человек способен осознанно ставить и преследовать свои интересы и цели в конкретном масштабе времени. Он постепенно раздвигает его рамки — от сиюминутных к средне- и даже долгосрочным. Однако он до сих пор не получил (и, видимо, в обозримом будущем не получит) всего комплекса условий, которые позволяли бы сделать осознанной и направляемой (не говорим «управляемой», это еще более трудная задача) его деятельность в историческом масштабе времени. Только в самые последние десятилетия (и пока в небольшом числе случаев и с весьма скромными итогами) человек начал пробовать выстраивать свою активность с учетом возможных последствий и ожидаемых результатов с расчетом на 30-50 лет вперед.

Но и на конкретной шкале времени даже наиболее развитым и могущественным странам подвластно далеко не все. Мир не стал пока колонией Соединенных Штатов; а если бы это произошло, у США и в мире нет пока теории управления столь громадной системой (одна из причин распада СССР — отсутствие такой теории и для управления достаточно крупным государством); не нашлось бы у США достаточных ресурсов для удержания своего господства насилием. Но главное, подобная суперимперия рухнула бы по тем же причинам, что и все прочие империи в истории: от того, что ее элиты, уверовавшие во всемогущество и безопасность свои и своей страны, погрузились бы в сведение собственных внутриэлитных счетов.

Другими словами, глобализация — не заговор злонамеренных сил, но в основе ее объективный процесс, конечно, допускающий его

эгоистическое использование отдельными участниками, группами участников. Однако «оседлать» и использовать можно лишь реальный, не искусственный процесс. Мир глобализируется, а не его глобализируют; и мир сопротивляется вторжению нового.

II. Понятие организации и социодинамика международных отношений XX века

Организацию как явление можно рассматривать в трех аспектах:

— как некоторый порядок в отличие от хаоса — вид, тип такого порядка, то есть организации;

— как процесс продвижения к некоему порядку, постепенно нарастающего ухода от хаоса — стадия, этап, фаза организации. Такой уход может быть стихийным, направляемым или смешанным;

— и как промежуточное состояние, достигаемое и удерживаемое в ходе этого процесса — уровень организации. Хаос не вполне преодолен, но некий порядок уже просматривается¹.

Ясно, что на пути от хаоса («ноль порядка») к порядку («ноль хаоса») неизбежны промежуточные качественные состояния (условно, 90% хаоса и 10% порядка; 70 и 30; 50 и 50; 30 и 70; 10 и 90). Каждое из таких состояний качественно отличается от смежных, тем паче далеко от него отстоящих. Промежуточное состояние, которое затягивается на достаточно длительное время, может казаться и объективно выступать стабильной формой порядка: его переходность станет очевидной лишь спустя десятки, иногда сотни лет.

Международные отношения, возникнув глубоко в древности как «дикое поле», в котором не было и не могло быть никаких законов, никакой власти (хотя бы лишь власти обычая), где допускалось все, стали движением от «100% хаоса» к некоторому условному «порядку», конечные контуры которого еще неясны, однако сам факт нарастания которого при историческом взгляде на мировое развитие не вызывает сомнений. Постепенно складывались обычаи торговых обменов, войны и перехода к миру, поддержания «дипломатических» контактов. Позже наступило время «длительных переходных состояний», причем каждое из них становилось своего рода международным порядком: империи древности и их распад; формирование региональных, а затем мировых религий; возникновение христианства с позднейшей секуляризацией созданных им социальных институтов, включая международные (Европа начиналась как Христиания); «классический» военно-экономический колониализм; европоцентристский миропорядок 1815-1938 гг. (с Венского конгресса до Мюнхена); США-центристский миропорядок, переход к которому открыла вер-

¹ Различные подходы к пониманию явления организации и ее типов см. в трудах М.Вебера, Н.Винера, У.Росс Эшби, У.Тоффлера, а также А.Н.Аверьянова, Н.М.Амосова, А.А.Богданова, И.В.Блауберга, И.Пригожина, В.Н.Садовского, М.И.Сетрова, Э.Г.Юдина и др. См. также интересный для нашего анализа сборник «Концепции самоорганизации в исторической ретроспективе» (М., 1994).

сальско-вашигтонская (1918-1939) и продолжили ялтинско-потсдамская (1945-1989) и постсоветская (с 1991 г.) системы международных отношений.

Вряд ли необходимо здесь доказывать, что по мере развития международных отношений с древнейших времен и до конца XX века в них в целом нарастал уровень упорядоченности, организации (другой вопрос, какими средствами это достигалось, какие формы принимало, какой ценой и кем оплачивалось и к чему приводило). На этом пути стихийно возникали достаточно продолжительные периоды устойчивого состояния важнейшей для данных эпохи, периода части международных отношений. Со временем такие периоды обретали характер некоторого международного (со становлением капитализма — мирового) порядка, даже получали собственное наименование. В этом смысле миропорядок можно определить как четко идентифицируемый во времени, в физическом и международно-политическом пространствах период, на протяжении которого остаются неизменны состав системообразующих субъектов международных отношений; конфигурация отношений, связей и взаимодействий между ними; а также те пределы и возможности, которые этот порядок объективно устанавливает для всех остальных субъектов и участников системы международных отношений.

Начало очередного миропорядка задавалось исторически итогами крупнейших войн и/или связанными с ними внутренними переменами в ведущих (то есть в прошлом просто сильнейших) странах: поражениями одних, возвышением других, распадом или образованием империй. Как следствие, в сравнении с предшествующим миропорядком прежде всего резко менялся состав ведущих субъектов международных отношений: на смену одному набору «великих» приходил другой. Не менее важно и то, что менялась конфигурация связей между участниками такого набора: бывшие союзники становились соперниками, прежние враги нередко вступали в союзы друг с другом. Состав группы ведущих субъектов международных отношений мог оставаться неизменным, а становление нового миропорядка обуславливалось переменами в типе и содержании отношений между ними (так произошло при переходе от версальско-вашигтонской системы к ялтинско-потсдамской). Конец данного миропорядка наступает, когда начинается зримый процесс взрывообразных нарастающих перемен в его главных характеристиках, подготовленный накопленными итогами эволюционного развития в период и условиях господства этого миропорядка. Исторически крах текущего миропорядка наступал с началом крупных войн между его участниками и/или распадом некоторых из них.

Специфика миропорядка как явления в том, что он сочетает в себе черты устойчивости, стабильности, то есть собственно порядка, и переходности как периода накопления и реализации предпосылок для очередного продвижения в сторону более высоких форм организации, соответствующих усложняющейся (У.Росс Эшби) и развивающейся общественной жизни, как внутренней, так и международной.

Различие между миропорядком и системой международных отношений — в мере и месте в процессе усложняющейся стихийной самоорганизации: порядок предполагает относительно высокие ясность и четкость структур, связей зависимости, правил; система отношений в этом смысле более лабильна, но именно поэтому одна система может пережить несколько смен порядков. Поэтому с позиций организационной науки система международных отношений не может быть производна от мирового порядка: система способна переживать смену порядка; но порядок вряд ли может менять системы — тогда это были бы уже другие как система, так и сам ее порядок. Система международных отношений в целом меняется с качественными переменами не столько в составе ее субъектов, сколько в их внутренней природе¹.

Однако международные отношения есть отношения социальные, а потому к рассмотренным выше аспектам следует добавить критерии и признаки особого вида организации — социальной.

Понятие «социальной организации» употребляется также в трех смыслах (от узкого к широкому):

— как функциональный элемент в обществе — институт экономики, политики и пр.;

— как вид деятельности, ведущей к созданию такого рода институтов и/или повышению упорядоченности существующих в обществе связей;

— и как степень, уровень внутренней упорядоченности, согласованности всех и/или определенных связей, отношений, структур в обществе.

Важнейшими функциями любого типа социальной организации обычно называют интеграцию и социализацию субъектов в систему отношений данного общества; упорядочивание и социальный контроль действий и деятельности субъектов в важнейших для общества сферах; выработку и осуществление единых для данного социума целей, власти, а также средств его сплочения².

Международные отношения на всем их протяжении развивались именно как социальные, обнаруживая все перечисленные выше тенденции и признаки, совокупность которых ведет к формированию собственно социальной организации. Однако для завершенности этого процесса им не хватает пока целостного общества, в котором и по отношению к которому функции социальной организации проявились бы в полных объеме и качестве. Но развитие международных отношений идет исторически в этом направлении. XX век и особенно его вторая половина стали временем, когда исторически аккумулярованные итоги такого развития не только проявились со всей очевидностью, силой, но и, в свою очередь, интенсифицировали само это развитие.

¹ Система, структура и процесс развития современных международных отношений. М., 1984.

² См.: Новейший философский словарь. Минск, 1998. С. 652.

Если вынужденно кратко, в одном абзаце суммировать итоги мирового развития и динамики международных отношений за весь XX век, то при всех колебаниях и зигзагах это развитие шло по пути:

- формирования взаимосвязанности и целостности мира;
- становления и последующей эволюции формальных структур международных отношений (ООН, ВТО, МВФ, ОЭСР и др.);
- демократизации внутреннего устройства основных субъектов международных отношений и самих этих отношений;
- нарастания диапазона, масштабов и объемов регулирования различных сторон международной жизни;
- признания в принципе права всех народов на суверенитет, но и одновременно нарастающее ограничение фактической возможности государств использовать суверенитет как оправдание произвола;
- постепенного смещения акцента с межгосударственных войн на создание и развитие систем международной безопасности;
- ухода от неопределенности как способа предотвратить или отсрочить агрессию к стабильности и предсказуемости отношений и мирового развития в целом.

В последней четверти века в мировом развитии возникли новые, исторически беспрецедентные проблемы: устойчивого развития мира и перехода к нему; предотвращения межцивилизационных конфликтов; противодействия международно-организованной преступности; поиска подходов к взаимоувязанному достижению стабильности, безопасности и развития. Оставляя в стороне вопрос, как могут и будут решаться эти проблемы, подчеркну главное для этого анализа: международные отношения и мировое развитие в целом на протяжении XX века не только обретали все более многочисленные, глубокие и необратимые признаки и функции, свойственные явлению социальной организации, но и к концу века явно подошли к качественно новому их рубежу. Не в последнюю очередь рубеж этот обязан своим появлением процессам и первым последствиям глобализации.

Что вносит в международные отношения и в мировое развитие явление глобализации, как воздействует оно на течение, сущность и формы их (само)организации, какие требования к ним предъявляет?

III. Понятие и сущность глобализации

Существование глобализации как явления само по себе не вызывает сомнений и никем не оспаривается. Однако определение глобализации представляет немалые научные трудности, усугубляемые политическим звучанием проблемы, стоящими за ней беспрецедентными по масштабу и концентрации интересами как материального, так и в не меньшей степени идеологического характера. Наличие этой мощной заинтересованности в глобализации обуславливает явно намеренную переоценку реального значения глобализации в современном мире. Данное утверждение не следует понимать как отрицание явления и его значимости: и то, и другое присутствует, но искусственно раздувается и однобоко, наигранно-оптимистически оценивается в угоду

крайне эгоистическим финансово-экономическим и идеологическим интересам.

Осознание того, что человечество вступило в эпоху глобализма и стоит перед принципиально новыми для себя проблемами, началось на рубеже 1960-х гг. с известных докладов Римского клуба и было продолжено в 1970-е гг. экологами в русле работ по устойчивому развитию. Однако в те десятилетия представители обоих направлений не связывали или лишь минимально связывали свои предупреждения с проблематикой международных отношений.

Первыми об явлении глобализации в связи с мировой политикой и международными отношениями заговорили с 1970-х гг. экономисты. Все они так или иначе зафиксировали главное, что возникло к этому времени в изучаемой ими сфере: транснациональные корпорации, этот закономерный итог концентрации производственного и финансового капитала, достигли оборотов, в разы превышавших ВВП большинства государств; а кроме того, через свою транснациональную деятельность получали возможность уходить из-под национального регулирования, контроля со стороны государственных и общественных структур «материнской» страны, манипулировать уплатой налогов. Их ресурсы позволяли ТНК влиять (как объективно, так и намеренно) на внутреннее положение в десятках государств, темпы и направление их развития, фактически ограничивая тем самым суверенитет таких государств. В совокупности все это означало, что в международной жизни утверждаются новые центры принятия решений и практической власти, способные влиять на правила игры и даже формировать их на глобальном уровне, притом не только в сфере экономики. Появление электронных финансовых инфраструктур, открывших возможности за считанные часы и минуты перебрасывать десятки и сотни миллиардов долларов спекулятивного капитала из одних стран и/или регионов в другие де-факто перечеркнуло суверенитет большинства государств современного мира¹.

1980-е и особенно 1990-е гг. стали периодом нарастающей критики сложившегося положения с позиций идей социал-демократии, экологизма и научного неприятия неолиберализма как неспособного

¹ О финансово-экономической глобализации и ее влиянии на роль государств и международную систему см.: *Bryan L., Farrell D.* Market Unbound: Unleashing Global Capitalism. N.Y., 1996; *Cerny Ph. (ed.)* Finance and World Politics. Aldershot, UK, 1993; *Dicken P.* Global Shift. Transforming the World Economy. N.Y., 1998; *Held D., McGraw A., Goldblatt D., Perraton J.* Global Transformations. Oxford, 1999; *Smith D.A., Solinger D.J., Topic S.C. (eds.)* States and Sovereignty in the Global Economy. N.Y., 1999; *Stubbs R., Underhill G. (eds.)* Political Economy and the Changing World Order. N.Y., 1994; *Wallerstein I.* The Politics of the World Economy: The States, the Movements, and the Civilizations. Cambridge, 1984; *Yergin D., Stanislaw J.* The Commanding Heights. The Battle Between Government and the Marketplace That is Remaking the Modern World. N.Y., 1998.

по сути его справиться с проблемами, выдвигаемыми глобализацией¹. Тем самым объективно расширились понимание первопричин и последующих процессов глобализации, представления о масштабах и направленности этого явления, его последствиях и связанных с ним опасностях и угрозах, равно как и открываемых им возможностях. В целом итоги этой, еще только разворачивающейся дискуссии можно суммировать в позитивной их части следующим образом.

Объективное содержание глобализации составляют разнородные по их происхождению, сферам проявления, механизмам и последствиям процессы, что позволяет и требует рассматривать глобализацию как качественно самостоятельную, сложную систему явлений и отношений, целостную в ее системности, но внутренне весьма противоречивую. В литературе чаще всего указывается на несколько зримых источников всех или части тех процессов, которые в совокупности и образуют явление глобализации в целом. Это:

— стабильные, долговременные отрицательные экологические и иные последствия хозяйствования человека на Планете, достигшие во второй половине XX века масштабов, чреватых опасностями не только осязаемо близкого истощения невозобновимых природных ресурсов, но и непрогнозируемой по ее последствиям мутации всей биосферы Земли, включая человека (геоисторически сложившийся экологический баланс необратимо сдвинут, смысл и содержание стихийно идущего ему на смену еще предстоит постигать);

— развитие всех и всяческих коммуникаций, инфраструктур и отношений, ведущее к такой степени социальной взаимосвязанности и взаимозависимости мира, когда весьма многочисленные еще признаки социально-исторической дикости личности, конкретных обществ и современного человека как рода в целом перестают быть проблемами изолированных «медвежьих углов» и становятся общей проблемой всего человечества, угрожающей его безопасности, перспективам его восходящего развития и самому сохранению жизни на Планете;

— появление первых субъектов мировой экономики и политики (транснациональных корпораций; государств; межправительственных организаций), сочетание интересов, способностей и возможностей которых требует от них и позволяет им действовать глобально в одной или нескольких сферах жизнедеятельности на повседневной основе («субъектов глобальных отношений»);

¹ Сошлемся лишь на несколько из десятков работ последних лет: *Baker D. et al. (eds.) Globalization and Progressive Economic Policy.* Cambridge, Mass., 1998; *Falk R. Predatory Globalization. A Critique.* Oxford, 1999; *Germain R.D. (ed.) Globalization and its Critiques: Perspective from the Political Economy.* Basingstock, 2000; *Henderson H. Beyond Globalization: Shaping a Sustainable Global Economy.* L., 1999; *Mander J., Goldsmith E. (eds.) The Case Against the Global Economy and for a Turn Toward the Local.* San Franc., 1996; *Martin H.-P., Schumann H. The Global Trap.* L., 1997.

— отдельные действия и в целом активность таких субъектов (прежде всего США, но не только), направленные на обеспечение их текущих интересов и целей, но главное, на закрепление и упрочение их доминирующего положения в мировой экономике, политике и/или отдельных их сферах через монопольную конкурентоспособность таких субъектов на глобальном уровне соответствующей деятельности.

Но все это — лишь зримая часть явления глобализации, основу которого образуют, как представляется, единство капитализма в его наивысшей к настоящему времени стадии развития; техносферы как наивысшего материального результата всей предшествующей эволюции человечества; и начавшихся процессов функциональной стратификации государств в зависимости от того, какое место они занимают в системе обеспечения потребностей техносферы.

Капитализм, далеко эволюционировав от того, каким он был еще 30-40 лет назад, не говоря о более ранних периодах, в самом конце XX века завершил формирование целостного мирового хозяйства, вобрав в сферу его действия весь земной шар, чем вплотную подвел планету и прежде всего самого себя к необходимости политического оформления этих новых реалий. Беспрецедентных масштабов достигли концентрация и централизация капитала, повлекшие (наряду с иными факторами) появление сложных организационных структур, потребных как для обеспечения жизнедеятельности капитала в современных условиях, так и для контроля государства и общества за ним — и с его стороны за обществом и государством в десятках стран мира.

Главным итогом XX века и всего развития цивилизации за все время ее существования стало пришедшее именно на XX столетие становление техносферы как искусственной среды жизнедеятельности человека. Ее специфика — не просто чрезвычайно высокий уровень развития технологий и техники, материального производства, науки, вооружений; не просто обусловленные всем этим уровень и качество жизни населения образовавших техносферу государств. Центральные особенности техносферы как явления тройки. В ведущих промышленно развитых государствах население не имеет реальной возможности вернуться в случае социальной катастрофы к доиндустриальному образу жизни, не рискуя при этом физическим вымиранием огромных масс людей. Ведущие экономические центры техносферы (США, Япония, ЕС) способны сохранить свое значение и само существование, лишь опираясь на освоение и использование пространственно-ресурсного потенциала всей планеты, подстраивая его под свои потребности и интересы, подчиняя целям, задачам, процессу этого освоения свои связи с экономиками других стран и регионов, а следовательно (в разной мере), и сами эти экономики. Наконец, техносфера конца XX века и все с ней связанное в корне изменили природную среду обитания человека, причем возврат к доиндустриальной глобальной экологии уже в принципе невозможен (некоторые авторы в этой связи говорят не просто о техносфере, но техноценозе, теснящем биоценоз — биологические формы жизни на планете).

Техносфера служит материальной основой явления и процессов глобализации в нескольких отношениях. Она возникает на базе уже достаточно масштабных и развитых международного разделения труда, кооперации, интернационализации различных видов деятельности. Она вызывает к жизни и развивает новые глобально взаимосвязанные виды и типы деятельности во всех сферах экономики, науки, культуры; порождает необходимые ей финансовые потоки, организационные структуры, не останавливаясь перед границами государств; делает глобально ощутимыми многие традиционные проблемы (ибо культура субъектов стала важным фактором функционирования и надежности техносферы¹); рождает свои специфические экологические и иные глобальные последствия. Она ведет к закреплению иерархии государств по их месту в системе функциональных связей техносферы с внешним для нее миром; меняет место государства во всем описанном комплексе отношений, включая международно-политические, встраивая государство в новую для него систему глобальных связей и зависимостей, размывая традиционный суверенитет государства и дополняя его регуляцией по «вертикали» от внутригосударственных районов, региона через само государство — к региону международному, к межгосударственной интеграции и глобальному регулированию (уже в ряде сфер существующему).

Техносфера тяготеет к формированию концентрических кругов ее обеспечения. Такие круги образуют: (а) собственно техносфера как совокупность наиболее развитых («постиндустриальных») государств, находящихся друг с другом в определенных структурных отношениях; (б) страны-реальные претенденты на скорое вхождение в техносферу по достигнутому уровню развития или по исполняемым для техносферы жизненно важным функциям; (в) страны, необходимые техносфере как источники энергоресурсов и сырья и/или как наиболее емкие рынки и незамещаемые другими странами в этих качествах; (г) замещаемые страны, функции которых по отношению к техносфере могут выполнять (вместе или по отдельности) другие страны и/или территории на, в принципе, тех же для техносферы экономических и иных условиях и с теми же практическими результатами; (д) страны, безразличные для существования и жизнедеятельности техносферы (ныне или вообще); (е) страны, ныне или в перспективе враждебные к техносфере и/или входящим в нее государствам и подкрепляющие эту враждебность действиями и/или наличием потенциала нанесения ущерба.

Было бы самонадеянно полагать, будто становление техносферы как явления направлено лишь на обеспечение комфорта и процветания человека. Да, какие-то социальные слои и страны обеспечивают

¹ См.: Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., 1996; Lal D. Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture and Politics on Long-Run Economic Performance. Boston, 1999; Lodge G., Vogel E. (eds.) Ideology and National Competitiveness. Boston, 1987.

себе благополучие в рамках современных капитализма и техносферы. Но это — не более чем частное использование стихийного процесса, по природе его не могущего иметь целей. Одно из двух: или цель будет поставлена — и тогда процесс из стихийного должен быть превращен в осознанный и полностью управляемый, глобально регулируемый (для чего нет и в обозримом будущем не возникнет необходимого знания, не говоря об иных предпосылках). Или же процессы глобализации еще долго будут сохранять в основе их стихийный характер — и тогда долговременные их объективные итоги и последствия не могут и не будут измеряться в категориях осознанно поставленных целей.

Полагая последнее более вероятным, сущность глобализации как явления правомерно, видимо, усматривать в том, что она объективно влечет человека к неизбежности необратимой смены среды обитания и жизнедеятельности с естественной на искусственную. Подводит и тем, что создает необходимые для этого познавательные, технологические, материально-культурные заделы. И тем, что все более сильно и необратимо разрушает естественную экологию Земли, исчерпывает исторически наиболее доступные человеку природные ресурсы Планеты. И тем, что в обозримой перспективе оставляет ему две генеральных стратегии хозяйственного поведения, не требующие безусловного отказа от капиталистической общественной модели: массивное освоение Мирового океана и/или массивный же хозяйственный выход в Космос (причем, по-видимому, первое должно предшествовать второму; но то и другое невозможно без создания искусственной среды обитания и жизнедеятельности человека). Часто упоминаемая с рубежа 1980-х гг. третья стратегия — «устойчивого развития» — нереализуема в рамках неолиберализма и объективно требует перехода к своего рода «пост-капитализму»¹.

Научное понимание глобализации должно, видимо, исходить из осознания общности и различий группы явлений (и соответствующего им понятийного ряда), непосредственно смежных глобализации. Таким понятийным рядом, на мой взгляд, является «интернационализация — регионализация — единый и целостный мир — глобализация». Явления, отраженные перечисленными понятиями, объединены тем, что все они суть выход множества ранее внутривострановых процессов за пределы границ отдельно взятого государства. Различия же — в условиях и времени возникновения соответствующих явлений, в их сущности, конкретных и социально-исторических функциях, в наборе субъектов процессов, в масштабах, глубине и интенсивности явлений, а также в их непосредственных и долговременных

¹ См.: *Hawkins P., Lovins A. Natural Capitalism. Creating the Next Industrial Revolution.* Back Bay Books, 2000; *Henderson H. Creating Alternative Futures: The End of Economics.* Kumarian Press, 1996; *Rugman A. The End of Globalization: A New and Radical Analysis of Globalization and What it Means for Business.* L., 2000.

итогах и последствиях. Здесь нет возможности подробно остановиться на всех перечисленных параметрах, поэтому обрисую лишь контуры названного понятийного ряда и вошедших в него категорий.

Интернационализация предполагает выход чего-то ранее сугубо внутреннего за начальные рамки; или же объединение действий нескольких субъектов мировой экономики, политики вокруг общих для них задач, целей, вида деятельности. Она в принципе универсальна по охватываемым субъектам и пространству, хотя не обязательно вовлекает всех или почти всех участников международной жизни. В некоторых случаях она способна достигать (и достигала) подобных масштабов. Но чаще и эффективнее интернационализация развивается на локальном уровне и/или в приложении к отдельным сферам, видам, направлениям деятельности. Интернационализация как явление должна была исторически проявиться весьма рано, по сути одновременно с появлением первых четко оформленных социально-территориальных структур (городов, прагосударств, т.п.). Конкретно-функциональные ее аспекты и последствия доминируют над структурными. Главная ее функция — обеспечение устойчивых международных связей в реально существующем мире.

Регионализация часто рассматривается как характерный признак мировой экономики и политики конца XX в. (что справедливо). Но без и помимо явления регионализации вряд ли могли сложиться и устоять средние и крупные государства древности и средневековья, да и нового и новейшего времени. Видимо, история складывается как последовательность циклов «стягивания» и разрушения государств, иных субъектов мировой экономики и политики; и регионализация — одна из форм стадий «стягивания», суть которой в формировании на основе и посредством развития интенсивных и глубоких для своего времени интернациональных связей новых, более крупных интеграций (социально-территориальных систем) — союзов, конфедераций и пр. Субъектами регионализации могут быть только ведущие для своего времени субъекты международных отношений и их агенты, действующие на основании полученных от таких субъектов прав и полномочий.

Единый и целостный мир тоже, скорее всего, не порождение XX в.: в каких-то формах он должен был периодически заявлять о себе и раньше. Единство и целостность мира — не мгновенно обретаемое качество. На пути к тому и другому возможны и неизбежны различные этапы и степени достижения того и другого. Кроме того, объективно складывающиеся единство и целостность мира могут долгое время не осознаваться как таковые современниками; и напротив, восприятие (религиозное, идеологическое, нравственно-этическое, иное) мира как цельности может далеко обгонять реалии. Единый и целостный мир — качество не только мира, но и ведущих в нем цивилизаций, признак их духовной и/или материальной экстравертности. Такой мир — как и регионализация — возможный, но не неизбежный результат развития процессов интернационализации в различные исторические эпохи; результат, циклически пересматриваемый, чтобы

оказаться воспроизведенным вновь на новых витках исторической спирали.

Глобализация содержательно охарактеризована выше. Интернационализация — историко-эволюционная подготовка глобализации, в операциональном смысле — прямое и непосредственное преддверие последней, которая не могла бы возникнуть, если бы ей не предшествовали масштабные, долговременные, всеохватные процессы интернационализации, подготовившие материальную, когнитивную, политическую основу для глобализации. Если явление интернационализации различных видов деятельности, отношений, процессов обмена и развития существует столько, сколько сами международные отношения, то глобализация как явление сложилась во второй половине XX в. Причем субъектами глобализации, как и в случае с интернационализацией, оказываются в принципе весь спектр субъектов современных экономики, политики, международной жизни (но разные типы субъектов играют в процессах глобализации далеко не одинаковую роль).

Но все это — лишь зримая часть явления глобализации, основу которого образуют, как представляется, единство капитализма в его наивысшей к настоящему времени стадии развития; техносферы как наивысшего материального результата всей предшествующей эволюции общества и его производительных сил; и начавшихся процессов функциональной стратификации государств по месту, которое они занимают в системе обеспечения потребностей развитой части мира.

IV. Глобализация и целостность мира как его самоорганизация

Глобализация есть и следствие ранее достигнутой целостности мира, и сама интенсифицирует процессы становления и развития такой его целостности. Последнюю можно рассматривать во многих аспектах. Очевидно, в одних сферах и смыслах мир был целостен всегда и в ином качестве просто не мог бы существовать: физические единство и целостность планеты, взаимосвязанность и взаимообусловленность идущих в ней и на ней процессов, включая климат, геологию и т.п.

В других целостность мира находится в процессе становления и/или развития, пребывая в некотором умозрительном промежутке «от... до» (биологические формы жизни не всегда прямо и непосредственно соприкасаются друг с другом); отсюда вопрос, является ли экология мира целостной по ее внутренней биологической природе, а не по внешним воздействиям на экологию в целом.

Но совершенно особый пласт целостности мира составляет все связанное с человеком и его деятельностью. Духовно мир целостен тысячи лет, с тех пор как древние люди попытались охватить все мироздание своим воображением, дать ему некое общее истолкование. Духовная целостность мира должна была пройти через несколько качественно разных этапов. Первая «арена» такой целостности — психика индивида, впервые поднявшего голову к звездам. О чем он «думал», что чувствовал, мы уже никогда не узнаем. Но ясно, что такая мироцелостность заканчивается со смертью индивида и не имеет

объективированного продолжения. Видимо, сменились сотни поколений, прежде чем идея целостности мира отразилась в наиболее ранних, дорелигиозных формах веры: у всех так называемых «примитивных» народов есть легенды о сотворении мира и рождении этого народа как едином акте творения.

Первые мировые религии придали этим легендам завершенность, отлили их в социально устойчивые формы, которые уже не исчезали с гибелью человека или народа, но достаточно надежно передавались из поколения в поколение, от народа к народу. Особую роль в том, что идея целостности мира и Вселенной органично вошла в наше сознание, сыграло на заре европейской цивилизации христианство с «заложенными» в него основами рационалистической мысли и, главное, с присущей ему «дихотомичностью» отношений между Богом и людьми. С одной стороны (исторически именно она надолго оказалась на переднем плане), человек — высшее из живых существ, между ним и Богом уже никого нет. Сын Божий, как известно, был человеком. Отсюда идут психологические и когнитивные корни антропоцентризма, приведшие в конце XX века к глобальной экологической катастрофе («человек — царь природы»). С другой — которая в последнее время привлекает повышенное внимание специалистов и верующих — Бог создал (организующее начало) из хаоса мир, в том числе самого человека. То есть человек — неотъемлемая и подчиненная часть акта Творения и его результата — мира и жизни. Христианство в этом смысле — предельно «мироцелостная» и «эколого-ориентированная» из мировых религий.

По мере исторического развития общества, знаний и опыта духовная целостность мира выступает одновременно в трех взаимосвязанных ее качествах: как результат опыта и познания (средствами эмоции и рациона); как совокупность идеологических систем (религиозных, донаучных, пострелигиозных, др.); и как саморазвивающаяся система индивидуальной и социальной психики, способная существовать только в условиях и в процессе развития. Но духовная целостность мира сама по себе еще не достаточна для возникновения феномена глобализации. На ее пути лежат огромные исторические преграды, преодоление каждой из которых требует качественных сдвигов в развитии мира и человека.

Первая такая преграда психологическая: готов ли человек в повседневной его жизни и деятельности реально следовать тому, что мы сегодня называем «общечеловеческими интересами и ценностями»? Или же в его психике, сознании и поведении на первом плане были и остаются интересы и ценности, нормы и критерии личные, клановые, групповые, классовые, этнические, конфессиональные — какие угодно, но не общечеловеческие? Ответ применительно к началу XXI века самоочевиден (о более ранних эпохах не говорим). И дело не в «несознательности» человека и не в «ложности» общечеловеческих начал, но в привязанности человека к определенному месту в физическом, социальном и когнитивном пространствах, в локальности всех жизненно необходимых ему связей и отношений.

Здесь и скрыта вторая преграда к реальной мироцелостности. Пока жизненно необходимые человеку связи и отношения не обретут глобального или хотя бы мирового масштаба и характера, сознание и поведение его будут неизбежно противоречить той мироцелостности, что вытекает из его же мировоззрения, веры, идеологии. Условия жизни в материальной их части должны вначале достичь мировых масштабов, сформировать соответствующие психику и поведение; лишь при этих условиях материально-деятельностная мироцелостность в практике человека сможет соединиться с духовной.

Освоение целостности мира через материальную деятельность человека сильно отстало от духовной мироцелостности. По сути, оно пришло с капитализмом: началось с хозяйственной колонизации им планеты (то есть с эпохи колониальных захватов) и только во второй половине прошлого, XX века стало обретать те современные черты и проявления, которые на уровне здравого смысла обычно воспринимают как признаки глобализации (экономическая взаимосвязанность мира, всеохватность и всезначимость главных его финансовых потоков, коммуникаций, стандартизация образования, культуры и т.п.).

Особым воссоединением духовной и материально-деятельностной целостности мира стало появление ядерного оружия, а также опасных и крупномасштабных производств и инфраструктур (металлургия, химические производства, трубопроводы, АЭС, открытые карьеры и пр.): они заставили элиты осознать необходимость самоограничений, в противном случае последствия могут оказаться катастрофичны для них самих и их социального положения (мир в целом их никогда по-настоящему не волновал; не заботит и сегодня).

Нет необходимости доказывать, что рассматриваемая подобным образом и одновременно на трех качественно разных уровнях анализа — неживой мир как физико-химическое явление; живой мир во всех биологических его формах; социальный мир, выступающий, в свою очередь, как (а) духовная деятельность человека, (б) материальная его деятельность и (с) организационные формы жизнедеятельности — мироцелостность предстает явлением внутренне противоречивым во многих смыслах: внутри каждого из уровней; на стыках между ними; и в разных масштабах времени (кратко-, средне-, долгосрочном; историческом; геофизическом и др.). Внутренняя противоречивость, видимо, не просто нормальна для любой сложной системы, но служит неперенным условием ее способности к развитию.

В дальнейшем изложении, если не оговорено иное, нас будет интересовать прежде всего социальная целостность мира, притом в ее международно-политических проявлениях, формах, компонентах. Это обусловлено природой и формами современной глобализации, в центре которой политические, правовые, иные противоречия между институтом суверенного государства и взрывающимися этот институт социально-экономическими силами: транснациональными корпорациями, организованной преступностью и сепаратизмом. В совокупности все это и создает специфику современных международных отношений

как исторически переходных от системы суверенных государств к более сложной организации человечества.

Правомерно полагать, что глобализация и целостность мира — две диалектически взаимосвязанные стороны современного мирового развития. Интернационализация всех сфер деятельности человека во второй половине XX столетия, вкупе с научно-, военно-технической, информационной революциями, качественно меняла взаимозависимость мира, вызвав к жизни, поддерживая и усиливая тенденции к его целостности. Но последняя невозможна в завершённом ее виде вне и помимо глобализации, которая выступает как видимая и осознаваемая часть объективной целостности мира; как такая часть практики человека, которая непосредственно материализует для него явление мироцелостности и все его последствия.

Глобализация есть продвижение к большей, более высокой целостности социального мира; но одновременно и определенный этап такого продвижения (никоим образом не последний). По-видимому, глобализация подготавливает социальный (в отличие от научного, исследовательского, военного и т.п.) выход человечества в космос: в противном случае она была бы этапом «проедания» и «доедания» им невозобновимых ресурсов планеты, началом весьма долговременного (на поколения вперед) периода торможения мирового развития или даже нисходящего развития человека как рода.

Процесс формирования материальной и социально-политической целостности мира и его глобализационные составляющие, видимо, носят циклический характер. И хотя графики их циклов неочевидны, здравый смысл подсказывает, что за этапом достаточно интенсивного продвижения глобализации должен следовать период относительного: внешне — торможения, отката; а по сути закрепления достигнутого. Такое закрепление и отделяет просто изменения от развития.

Но и с поправкой на цикличность процесса, и с оговоркой, что отдельные этапы циклоподобного движения могут растягиваться на десятилетия, целостность не может рано или поздно не востребовать какой-то ее организации: именно наличие последней отличает всякую целостность от хаоса, ибо целостность предполагает обретение этим целым свойств и качеств, не присущих образующим его частям по отдельности. Глобализация как процесс, охвативший все важнейшие сферы (экономику, финансы, безопасность, культуру), не может не затребовать международно-политической ее организации: появление в мире множества центров принятия решений о правилах игры и центров фактической власти является не хаосом, как часто думают, но одной из стадий Истории как процесса социальной самоорганизации рода. Вопрос не в том, произойдет международно-политическая организация глобализирующегося мира или нет, а когда и в каких формах. Другой вопрос — о каком из рассмотренных выше типов организации должна идти речь и что именно является объектом и предметом организации: глобализация как таковая (в какой ее части?), межгосударственные отношения (в части, непосредственно связанной с глобализа-

цией) или международные отношения, как мы определили их выше? Напомним, что нас в данном случае интересуют международно-политические аспекты процессов организации или самоорганизации глобализирующегося мира.

V. Самоорганизация глобализирующегося мира: постиндустриальный колониализм, стихия или направляемое развитие?

Очевидно, нарастающая целостность мира и глобализация как ее высшее практическое выражение в принципе не могут быть совместимы с представлениями о международных отношениях как «диком поле», динамика которого определяется лишь борьбой за власть и влияние, а качественная эволюция международных отношений как явление по этой причине вообще отсутствует. Во-первых, как было показано выше, международные отношения уже давно ушли от состояния «дикого поля». Во-вторых, если бы они продолжали в таком поле пребывать, то хаос и броуновое движение, чем является любое подобное поле, исключают целостность и могут длительно сохраняться, лишь если поддерживаются (удерживаются) внешними для них силами. В-третьих, в международные отношения «пускают не всякого», они доступны для определенного типа субъектов данной эпохи. А это значит, что они по определению предполагают наличие какой-то упорядоченности и ее критериев, каковы бы ни были то и другое, позволяющих различать, что относится в данных исторических условиях к таким отношениям, а что нет (так, убийство американца в России или россиянина в США не влечет риска войны между двумя государствами, хотя способно иногда вызывать на время сложности в их взаимоотношениях).

С образования государств как ведущей формы территориальной организации социумов и до настоящего времени межгосударственные отношения остаются важнейшей частью международных отношений. На какое-то время они даже практически затмили собой международные, вытеснили собой почти все конкретное содержание последних. При этом в собственно межгосударственных отношениях долгое время еще продолжали действовать законы если не «дикого поля» в полном смысле слова, то минимальный набор сдерживающих сил и факторов, особенно социального свойства (нормы, правила, институты). Модель «международных — суть — межгосударственных» отношений правомерно назвать «двухмерной» или «плоскостной», поскольку: (а) участники отношений однотипны — государства как институт (хотя и разные при этом по специфике их внутреннего устройства); (б) отношения разворачиваются в еще не сложившемся социальном пространстве, где «ничего нет» (норм, правил и пр.) или почти нет; (в) конкретное содержание отношений меняет со временем набор участников и связи между ними, но на шкале текущего (не исторического) времени как бы оставляет без изменений саму эту модель отношений в целом.

Коль скоро отношения в рамках двухмерной/плоскостной модели складываются стихийно, а единственный регулятор стихии — сила,

то такая модель наиболее адекватно описывается геополитическими концепциями с их упором на баланс сил. Социальное содержание этой модели с организационной точки зрения минимально (но все же не равно нулю, поскольку на практике какие-то фактические нормы и правила существуют даже здесь).

Строго говоря, такая модель неадекватна даже применительно к далекому прошлому, когда диктат силы в международных отношениях был абсолютен, и факт этот не вызывал сомнений ни у современников (от древнейших времен до рубежа XX века), ни у исследователей. В частности, непонятно, как в условиях голого и грубого баланса сил могли долго существовать и играть заметную роль в международных отношениях своего времени государства (даже города-государства), военной силой не отмеченные. Модель баланса сил может объяснить отношения между ведущими, соперничавшими друг с другом «центрами силы». Однако она не объясняет все иные (в том числе между такими центрами и их клиентами), в целом и составляющие международные отношения данной эпохи.

Но развитие капитализма, стягивая мир воедино, постепенно и как бы исподволь вводило в международные отношения иерархический принцип. Появилось и утверждалось деление на метрополии и колонии и протектораты; на народы и страны цивилизованные, полу- и совсем не цивилизованные; на «великие» и просто державы. Со временем какие-то из таких делений уходили в прошлое, но принцип иерархии государств не только оставался, но и упрочивал свое положение. Его закрепляла, в частности, практика разного качества стран-членов международных организаций и союзов (постоянные и сменяемые; полноправные и ассоциированные и т.д.). Заметим, что иерархия — основа любой организации и один из главнейших ее признаков.

Во второй половине XX века в международных отношениях официально (в документах ООН) утверждается имеющая объективную природу иерархия государств по комплексу качественных признаков их развития (высоко-, средне- и слаборазвитые). Одновременно на международную арену выходят новые типы субъектов мировой политики и международных отношений: транснациональные корпорации (ТНК), международные организации, движения разного толка. Вместе взятые, они существенно теснят межгосударственные отношения, ставят перед этими отношениями и самими государствами принципиально новые проблемы, что объективно уже означает придание былой плоскостной модели международных отношений «третьего измерения».

Начавшаяся глобализация прежде всего четко размежевывает мир на центр и периферию¹, на «золотой» и прочие миллиарды. Она движется прежде всего процессами в наиболее развитой части мира: именно тут сосредоточены все ТНК, производится львиная доля

¹ См.: Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. В 4-х тт. М., 1999.

ВВП, сконцентрированы все обслуживающие мировую экономику финансовые корпорации. Здесь самые развитые и мощные во всех отношениях государства, заинтересованные в глобализации и способные двигать ее во всех сферах жизни; здесь же образуется самая большая часть загрязнений окружающей среды. Нарастающий разрыв между бедными и богатыми странами усиливает миграционное давление на последние и делает все более нетерпимыми сохранение на планете голода, нищеты и отсталости. Прорыв глобализации в государства «третьего мира» взрывает здесь традиционные отношения, порождает грозящие быстрой интернационализацией конфликты, уже не поддающиеся урегулированию без вмешательства мирового сообщества. Но, с другой стороны, лишь с глобализацией и развитием связывают на протяжении 1970-1990-х гг. надежды на преодоление или хотя бы ослабление всех перечисленных мировых проблем.

На протяжении 1970-1990-х гг. происходит еще одна важнейшая перемена. Международные организации, созданные когда-то с целью решения достаточно узких задач, набирают силу, верно почувствовав в глобализации тот «питательный бульон», который даст им основу для расширения сферы деятельности, повышения собственных роли и значения и, в конечном счете, большую политическую перспективу. На первых ролях здесь организации, прямо связанные с финансовой и экономической глобализацией — Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирная торговая организация (ВТО, ранее ГАТТ — Генеральное соглашение по торговле и тарифам). Глобализация все более движется теперь не только стихийно и не только волей и интересами США, Японии, ЕС и крупнейших ТНК, но и международными организациями, быстро выросшей численно и весьма влиятельной международной финансово-экономической бюрократией, чьи решения все чаще становятся уже не только де-факто, но и юридически обязательными для номинально суверенных государств.

Глобализация получает тем самым институциональное оформление — что означает организацию наиболее значимых процессов мирового развития, не только закрепляя этим становление третьего измерения системы международных отношений, но и придавая ему (значимостью и мощью идущих на этом уровне процессов) системообразующую роль. Эти качества проявились еще в системе «холодной войны»; с распадом СССР они становятся ключевыми в формировании нового миропорядка. Конечно, совокупность международных организаций сама по себе еще не есть международно-политическая организация глобализирующегося мира. Эта совокупность, однако, выполняет важные подготовительные функции для такой организации: создает массивы потребностей, без удовлетворения которых нормальная жизнь государств и человечества уже невозможна; закладывает институциональные основы под будущую, уже политическую организацию; «накапливает» противоречия и самые различные

проблемы, которые со временем потребуют политического их решения, притом на глобальном, то есть международном уровне.

По этим причинам мир первой трети XXI века не может быть адекватно понят и описан при помощи таких традиционных и наиболее влиятельных моделей внешней политики, как «политический реализм» или геополитика. Он предполагает не отыскание оптимального для данного государства баланса фокусирующихся на нем внешних сил, но встраивание всех без исключения государств в только начинающиеся складываться неформальную иерархию субъектов международных (а тем самым и внутриглобальных) отношений и более официальную (но тоже лишь начинающую формироваться) вертикаль глобальных властных и международно-правовых связей и отношений. «Трехмерная» же модель уже по природе ее не может быть моделью только международных, тем паче только межгосударственных отношений, ибо предполагает некую «социальность» в той реальности, моделью которой она является.

Социальность, в свою очередь, невозможна без организации. Социум тем и отличается от стада, что в нем всегда есть, пусть в самых зачаточных формах, «вертикаль» и «горизонталь»; источники и центры авторитета, примера, морали, нравственности, власти — и зоны следования авторитету, примеру, подчинения власти; есть, как минимум, административно-распорядительный или властно-политический центр, и направляемая им периферия; есть некие общие правила, а значит, и санкционированные исключения из них, и нарушители таких правил; есть санкции за нарушения и механизмы их применения.

Специфика современного этапа глобализации в том, что она является собой социальность лишь формирующуюся, становящуюся; что процессы формирования этой социальности решающим образом опираются на современные международные отношения со всеми их компонентами; и что формирование такой глобальной социальности в части ее международно-политического оформления и закрепления не сможет ограничиться лишь сферой международных отношений, а должно будет со временем непременно пойти дальше; и что первые тенденции такого продвижения уже наличествуют в современном мире.

Мир, несмотря на его качественно возросшую на протяжении XX века целостность, остается разнообразен, во многом разделен по этноконфессиональным, цивилизационным, социоэкономическим и иным признакам. Он внутренне противоречив и конфликтен, сопротивляется всем покушениям на традиционализм и патриархальность, привычен к двойным стандартам и не прочь при возможности прибегнуть к силе. Иными словами, социальной целостностью мир еще не обладает, и это вряд ли нуждается в доказательствах. Как и то, что продвижение к такой целостности займет не одно десятилетие. Но движение мира в сторону обретения социальной целостности уже началось.

«Стягивание» мира в единую, хотя и противоречивую, чреватую множеством проблем и конфликтов социальную целостность одним из последствий будет непременно иметь становление (в дополнение к

исторически давно существующим внутривосточным и международным) принципиально нового типа отношений — внутривосточных. Ткань этих отношений образуют, по-видимому, межгосударственные, однако властная вертикаль внутривосточных отношений будет формироваться вокруг наиболее дееспособных практически государств, их союзов и интеграций, а также международных организаций.

Глобализация ставит в принципиально новое положение институт суверенного государства в системе международных отношений и во внутренней, исторически монополярной его сфере. Появление транснациональных корпораций, миграция по миру огромных капиталов и спекулятивных средств давно создали для государства проблему отношений с этими субъектами и явлениями, не решенную и поныне. Международные отношения конца XX века перевели в практическую плоскость и проблему ограничения суверенитета государства извне. Глобализация идет много дальше: экономическими, информационными, международно-правовыми и иными средствами она активно проникает во внутривосточную сферу и там превращается в один из важнейших, в большинстве случаев главный, определяющий фактор внутренней жизни, мощь которого все чаще и сильнее превышает возможности данного государства. Последнее тем самым все более трансформируется из исторической и этнокультурной самоценности в корпорацию по управлению социально-территориальной системой. Эффективность этой корпорации все более зависит от того, сколь успешно вписалась она в глобализацию и функциональные связи с технологической структурой, сумела ли позитивно связать с ними все наиболее значимые области и процессы своей внутренней жизни. Чем полнее выполняются названные задачи, тем императивнее такое государство должно быть политико-правовыми средствами вписано в миропорядок и нести ответственность, в том числе материальную, за его серьезные нарушения. Не исключено, что и платить своего рода международные «налоги» на поддержание этого миропорядка (миротворчество на добровольной основе может скоро захлебнуться в нехватке средств).

Глобализация создает также иллюзию ненужности, иногда даже вредности национальных правительств и государств. Современная экономика в принципе способна обеспечить все население планеты достаточным количеством еды, одежды, жилья, социальных услуг. Современные инфраструктуры технически способны доставить все это в любую точку планеты. Что и кто мешает? — Стремящиеся сохранить свои власть и господство локальные элиты, опирающиеся ради этого на инструмент национального государства. В подобных рассуждениях вольно или невольно взаимоподменяются понятия элит и государства; но сами такие рассуждения служат обоснованию дальнейшего развития глобализации, мерой продвижения которой становится международное право, создаваемое наиболее развитой частью мирового сообщества или навязываемое ему явочным порядком наиболее дееспособными субъектами глобализации (со стороны США подобные попытки обрели в последние годы регулярный и обвальны́й ха-

рактер): именно право не только гарантирует обеспечение соответствующих интересов, но и «тянет» за собой на длительных отрезках времени шлейф социальных, культурных, политических и иных последствий, в их совокупности фактически и формирующих социальность (здесь — глобальную).

В условиях глобализации возникают явления, невозможные ранее в принципе. Ресурсы ТНК, некоторых общественно-политических движений, а также международной организованной преступности во много раз превосходят ВВП десятков государств. Это теоретически позволяет новым субъектам международных отношений предпринимать в данной сфере весьма нетрадиционные действия (вплоть до получения оружия массового поражения, создания альтернативной — теневой — информационно-поисковой и даже банковской систем и т.п.). Ресурсы и возможности даже крупнейших государств оказываются недостаточны для эффективной борьбы с этими явлениями, а межправительственная и межведомственная координация официальных усилий лишает действия властей необходимого динамизма. Создание глобальных структур для поддержания правопорядка в мире может оказаться необходимостью.

Все перечисленное и многое иное, вынужденно оставшееся здесь без внимания, позволяет сделать вывод, что положено практическое начало процессу становления внутриглобальных отношений как отношений внутренних (или более близких по их природе внутренним, нежели международным, хотя во многом вырастающих из последних). В системе внутриглобальных отношений межгосударственные сохраняют и увеличивают объемы, значение; но перестают быть международными, становясь частью внутренних (разумеется, это пока тенденция, а не завершённый факт). Становление внутриглобальных отношений не будет прямолинейно хотя бы потому, что государства сопротивляются девальвации их суверенитета. Кроме того, как доказывает ряд работ самого последнего времени, глобализация ведет, по-видимому, не к унификации мира (как полагали изначально), но к нарастанию его внутреннего разнообразия¹.

В итоге международно-политическая глобализация будет, скорее всего, развиваться в сложной взаимосвязи с процессами локальных суверенизаций, равнодействующей чего станет, вероятно, укрепление тенденций к регионализации в отношениях между малыми и/или средними государствами; внутри многонаселенных, многонациональных государств; а также между малыми и/или средними государствами и регионами крупных государств. Социальная опора глобализации в современном мире имеет отчетливо западные происхождение и формы; все прочие окрашены в локальные цвета. Она западоцентрична по

¹ См.: *Anighi G. et al. Chaos and Governance in the Modern World System. Minneapolis, Minn., 1999; Berger S., Dore R. (eds.) National Diversity and Global Capitalism. Ithaca, 1996; Palan R., Abbott J. State Strategies in the Global Political Economy. L., 1999.*

происхождению всех важнейших ее компонентов (знания, средства, технологии, структуры и т.п.) и американоцентрична по роли в ней экономики, национальной валюты и военной силы США. Ведущая к становлению трехмерной модели мира глобализация может и, скорее всего, будет стимулировать процессы размывания и распада наиболее крупных многонациональных государств и интеграций и образования новых региональных интеграций преимущественно экономического типа на базе мелких и средних государств и неосуверенных территорий.

В этих условиях международно-политические отношения начала XXI века становятся не чем иным, как процессом непосредственного формирования глобальной социальности и ее неперенного признака — комплекса внутриглобальных отношений, а нынешний миропорядок — зародышем будущей политической организации такой социальности на первом этапе ее вероятного существования. Для понимания сути и направленности этих процессов важно характеризовать их в терминах и понятиях современной науки: лишь тогда можно правильно оценить происходящее и корректно ставить новые задачи перед самой наукой. Политические и описательные категории способны лишь затруднять анализ и без того сложнейших явлений и процессов.

Выдвижение США на роль «мирового лидера» (что бы под ней не понималось и как бы она не исполнялась), единственной страны с подлинно глобальными интересами и возможностями во всех сферах жизни объективно означает, что для США проблемы глобализации (в том числе влияния на явления и процессы, составляющие содержание мирового развития или существенно воздействующие на него) стали уже вопросами повседневного управления. Было бы неверно видеть причины возвышения США лишь в самоликвидации второй сверхдержавы. Распад СССР снизил (но не снял вообще) возможности ограничения политики США в мире. Но главные свои позиции США создали во всех сферах современной жизни задолго до исчезновения Союза. Именно это определило становление в 1990-х гг. американоцентристского миропорядка, фактически претендующего на определенный тип политической организации глобализирующегося мира в отсутствие сил или держав, способных эффективно уравнивать США.

Политико-организационный тип нынешней системы международных и межгосударственных отношений в категориях современной теории политики следует охарактеризовать как зародышево-авторитарный (доминирование, но не господство Запада, а в нем — США), закамуфлированный под олигархический («семерка», «восьмерка» или даже группа из 10-15 ведущих государств, фактически определяющих решения важнейших вопросов мировой политики и экономики). Это тип еще зарождающийся, поскольку ни США, ни Запад не управляют ходом мировых экономики, политики, развития. Но это тип уже действующий — Запад, особенно США, на протяжении 1990-х гг. все более активно реализует их притязания направлять (если нужно, то силой) ход мировых экономики, политики, порядка и развития.

Все более откровенные на протяжении 1990-х гг. тенденции к усилению роли НАТО, стремление поставить альянс выше международного права, ООН и ее Совета Безопасности указывают в направлении нарастающего авторитаризма. Это тип, закамуфлированный под олигархический (но не олигархический в чистом виде) потому, что в «большой семерке» или «восьмерке» резко различаются реальные вес и возможности США, с одной стороны, и иных участников группы, с другой. Формальное равенство прав пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН (иной возможный состав группы «государств-олигархов») ослабляется размыванием веса и роли Совета Безопасности и ООН в целом по сравнению с «большой семеркой» и НАТО.

Но одновременно такое положение значит, что в мире появился реальный центр фактической глобальной власти (в лице США и НАТО), стремящийся и способный осуществлять эту власть если не везде и повседневно, то в наиболее значимых для него местах и ситуациях (иной вопрос, сколь легитимны сам центр и присваиваемая им власть и сколь эффективна последняя). Наличие центра дееспособной власти (или, как минимум, военно-политически оформленного союза государств и отдельно взятого государства, готовых и способных претендовать на роль подобного центра), позволяет говорить о начале (но только начале) процесса создания политической системы глобализирующегося мира как единого целого. Единственность этого центра указывает на авторитарность формирующейся системы.

Вышеописанная система функциональных кругов жизнеобеспечения техносферы носит отчетливо выраженный иерархический характер и в этом смысле объективно подкрепляет и питает авторитарное начало в системе международных и межгосударственных отношений. Само по себе это просто одно из объективных последствий существования техносферы как таковой. Но в случае эволюции техносферы по линии усиления представленных в ней эгоистических интересов такая схема отношений техносферы с внешним для нее миром может стать основой для попыток внедрения элементов тоталитаризма во внутриглобальные (но не непосредственно в международные и межгосударственные!) отношения. С другой стороны, экономика и рынок (в широком смысле этих понятий) требуют сочетания авторитарного и демократического начал. Такое сочетание становится императивным, если допустить, что в искусственную среду обитания и жизнедеятельности человека должна быть превращена, по существу, вся планета.

Если неформальная стратификация субъектов внутриглобальных отношений определяется их общими мощью и влиянием, масштабами их достижений в социальной и других областях, а также их особенными заслугами в отдельных сферах, то процесс выстраивания властной и правовой вертикали политической организации глобализирующегося мира может пойти различными путями и привести по прошествии 20-30 лет к принципиально разным для будущего мира результатам: от авторитарно-олигархической организации внутриглобальных отношений до утверждения в них основ демократии.

Переходный период, который займет, видимо, всю первую треть XXI века, будет нести в себе признаки и качества как традиционной «двухмерной», так и глобальной «трехмерной» моделей, периодически усиливая то одни, то другие, но в целом на долговременных шкалах отсчета все сильнее подчиняя мировое развитие логике последней. При этом внутренняя организация каждой из моделей международных и межгосударственных отношений допускает ряд собственных вариантов.

«Двухмерная» геополитическая модель объективно делает упор на силовых механизмах эволюции международной системы, а значит, на стихийном характере предстоящего развития. Социальная стихия в истории неизменно вела к авторитаризму, а в век информационных технологий, когда Интернет можно встретить в провинции чаще, чем теплый туалет, чревата беспрецедентным тоталитаризмом. Лидерство США и масштабы их отрыва от ближайших конкурентов делают такой вариант самоорганизации миропорядка возможным, но маловероятным: распад СССР, помимо прочего, указывает на отсутствие пока знаний и средств, которые позволяли бы управлять (тем паче жестко) столь крупными социально-территориальными системами. Кроме того, в таком жестком управлении каждым «медвежьим углом» планеты просто нет необходимости ни для какого потенциального лидера глобальной тоталитарной системы (разве что гордыня взывает).

В рамках «двухмерной» модели при сохранении преимущественно межгосударственного содержания международных отношений дальнейшая эволюция постсоветской международной системы может пойти по пути: (1) ее трансформации в более жесткую авторитарную, отказа даже от показной олигархичности. Это может сигнализировать о начале фазы, предшествующей подрыву экономического здоровья, места и роли США в мировой экономике и политике; (2) эволюции к большей олигархичности при расширении числа государств-олигархов до 10-12 и росте вероятности появления серьезных разногласий меж олигархами; (3) постепенной демократизации системы международных отношений и политического миропорядка, если и когда США в политической борьбе с другими государствами-олигархами сочтут для себя необходимым опереться на ведущие из развивающихся стран.

«Трехмерная» интеграционная модель неизбежно варьировалась бы, совершая колебательные движения между фазами центробежности и центростремительности. Но тем самым открывались бы возможности влиять на направленность, содержание, темпы, формы организации внутриглобальных отношений. Последние и при такой модели могли бы выродиться в авторитарные формы. Однако поскольку тут доминирует тенденция к интеграции мира на почве глобализации, авторитаризм, вероятно, тяготеет бы к некоему аналогу конституционной монархии: государства второго и третьего иерархических уровней стремились бы сдерживать США, не давая им «зарываться» — но категорически не проявляли бы интереса к «свержению» мирового лидера, особенно средствами и в формах, способными всерьез и надолго ослабить их собственное положение в мире и своих регионах.

В рамках «трехмерной» интеграционной модели при постепенном усилении тенденции к трансформации части международных отношений во внутриглобальные отношения целостного и взаимосвязанного мира, с вычлениением в них политических межгосударственных отношений как сферы придания миру большей организованности и управляемости, эволюция постсоветской системы международных отношений может «избрать» иные содержание и направленность: (1) резкая достаточно продолжительная анархизация международных отношений в целом и/или отдельных региональных подсистем в случае быстрого, обвального (посткризисного) распада лидирующей роли США; (2) становление (с опорой на вес, роль и возможности США и НАТО) необходимых самим США и Западу механизмов глобального регулирования, обладающих высокой степенью надежности обеспечения желаемых результатов и способных ограничивать при необходимости суверенитет отдельных субъектов международных и межгосударственных отношений; (3) расширение реального содержания и диапазона международной жизни и международных отношений так, что отношения межгосударственные будут постепенно все более отесняться с монопольного положения, которое они пока занимают, на роль одного из объектов и предметов регулирования формирующихся внутриглобальных отношений.

При этом социально-политическое качество внутриглобальных отношений может оказаться принципиально различным. Утверждение жестко авторитарного или тоталитарного начала во внутриглобальных отношениях, в их организации одним из основных объективных его последствий имело бы, скорее всего, усиление и «выпячивание» (политическое и практическое) таких черт и аспектов глобализации, которые дают основания рассматривать ее как новый, исторически позднейший, отвечающий современному развитию производительных сил и иных факторов вид колониализма. Один из важнейших ее аспектов заключается еще и в том, что капитализм силой транснациональных экономики и финансов подчиняет себе то, что не удалось удержать в подчинении ни оружием, ни политическими средствами только. И это по-своему закономерно: победившая в мире формация должна освоить все ее потенциальное физическое, экономическое, политико-правовое и социальное пространство, а такая территория для современного капитализма — вся планета. Формально суверенитет государств при этом не затрагивается (хотя фактически положение иное). Но если глобализация навязывается извне через компрадорские бюрократию и буржуазию — а не принимается самими обществом и государством под влиянием их реальных интересов, потребностей, представлений и выбора, — она может быть, по сути, ее только видом колониализма.

Организация внутриглобальных отношений, аналогичная, скорее, «конституционной монархии», могла бы оказаться оптимальной для того тяжелейшего и опаснейшего, длительного периода международных отношений, когда взаимное притирание культур и цивилизаций будет происходить в условиях нарастающих глобальных проблем, все

более острой конкуренции за ресурсы, рынки и возможности развития, а также неизбежного в долговременной перспективе снижения удельных веса и возможностей США в мире. Такая модель позволила бы США достаточно плавно вписаться в будущие мировые реалии, а группе из 20-50 ведущих государств подготовиться к практическому принятию роли и ответственности по реальному участию в дирижировании (а возможно, и управлении) жизнедеятельностью планеты. Коль скоро завершение американоцентристского мира неизбежно, необходимо уже сейчас продумывать и готовить меры к тому, чтобы кажущийся пока нереальным переход к постамериканскому миропорядку был мирным, эволюционным и конструктивным; гарантирующим самим США надежное и безопасное будущее.

Исторически «мгновенный» сброс роли государств в мире, какие бы причины его не продиктовали (в том числе их отказ от будущих роли и места во внутриглобальных отношениях), стал бы фактором огромной неопределенности, ибо оставлял бы сферу глобализации принципиально новым ее субъектам. История знает два подхода к организации социума: при доминировании территориального или же сферо-деятельностного начал. В первом случае возникли государства и тон задает иерархизм организации; экстраполяция этой тенденции ведет к «мировому правительству». Во втором возникали цехи и корпорации, градо- и регионообразующие хозяйственные субъекты; а организующие тенденции во многом опирались на рыночное начало. В XX веке рождается сетевой принцип организации, распространяющийся в экономике и допускающий взаимодополнение территориального и отраслевого (корпоративного) начал в организации жизни общества¹. Воспользуется глобализация этой моделью, создаст ли нечто новое или окажется отброшенной к отношениям и моделям прошлого, покажет только время.

VI. Глобализационный вызов и дилеммы России

Что выгодно не входящей в техносферу и многими на Западе рассматриваемой как враждебная по отношению к ней России — тема особая. Но объективное содержание глобализации надо отделять от конкретных ее моделей и концепций. Критика американской концепции должна вестись ради поиска демократической модели глобализации, а не с позиций антиамериканизма, антизападничества или, хуже того — антиглобалистской политической реакции.

СССР изначально и абсолютно проиграл возможности участия в становлении глобализации, когда его руководство, не способное и не желавшее всерьез решать, даже признавать важнейшие проблемы внутренней и внешней политики страны 1960 — середины 1980-х гг., по существу, попыталось отсидеться от глобализации в стороне. Рос-

¹ См.: Hollingsworth J.R., Schmitter Ph., Streeck W. (eds.) *Governing Capitalist Economies*. Oxford, 1994; Whitley R. *Divergent Capitalisms. The Social Structuring and Change of Business Systems*. Oxford, 2000.

сия под влиянием как полученного постсоветского наследия, так и собственного авантюристического подхода к реформам объективно является пока аутсайдером глобализационных процессов. Она еще не субъект, но объект глобализации, тем более желанный для внешних сил, что обладает уникальным комплексом экологических и природных ресурсов. Объективно Россия — последняя значительная по размеру, расположению и природным ресурсам территория планеты, минимально включенная в процессы колонизации Земли капитализмом. Главная задача России на всю рассматриваемую перспективу — вписаться в глобализацию, не став жертвой глобалистского неокOLONИализма.

Глобализационный вызов чаще всего рассматривается с точки зрения того, удастся ли России сохранить в условиях все более целостного, глобально организующегося мира не только суверенитет, но и ее специфическое место «великой державы». Если оставаться в рамках сугубо научного анализа поставленной проблемы, последний вопрос фактически звучит так: сможет ли Россия в длительной перспективе удержаться в группе государств-олигархов, куда ее условно допустили в награду за разрушение СССР и в надежде на соответствующее поведение самой России в будущем?

Однако при всей серьезности этого вопроса (обсуждать который мы здесь не будем в силу его политической заданности), думается, что суть глобализационного вызова для России все же не в этом. До сих пор не только российские элиты, но и многие аналитики как-то упускают из поля зрения то обстоятельство, что целостный мир, опирающийся на глобальную (в отличие от мировой) экономику, будет неизбежно означать радикальное изменение роли государства не столько в международных отношениях, сколько в его отношениях с собственным обществом.

Когда капиталы и труд получают возможность свободно (пусть не без технических сложностей, но в принципе все же свободно) мигрировать из страны в страну, с течением времени неизбежно возникнет положение, когда капитал и люди начнут «переливаться» туда, где качество их жизни и деятельности окажется наилучшим. Собственно, это давно происходит: отток специалистов и капитала из России с начала 1990-х годов — факт общеизвестный.

Процесс этот закономерен: «мировой город» предлагает гораздо более широкий выбор занятий, лучшие условия труда, самореализации и качество жизни, чем периферийные районы мира — точно так же, как любой обычный город в любой стране предлагает человеку больше возможностей и искушений, чем деревня. Еще вчера люди ехали из деревни в город; теперь они едут из крупных городов в мировые центры науки, культуры, образования и деловой активности. Причем когда войны уступают авансцену экономике, государство вынуждено превращаться в корпорацию по социально-экономическому управлению территорией и ее развитию. И чем менее эффективно оно в этом качестве, тем вероятнее, что наиболее динамичная

часть населения просто уйдет туда, где больше возможностей самореализации, выше качество жизни и где лучше платят. Необходимости покушаться на номинальный суверенитет государства при этом просто не возникнет.

Суть глобализационного вызова для России заключается в том, что она при таком развитии событий рискует превратиться в одну из «мировых деревень» — номинально суверенную и номинально великую, но, по сути, все менее дееспособную вследствие потери качества ее населения (как все менее дееспособна российская деревня из-за аналогичного процесса, развивающегося внутри самой России).

В рамках «двухмерной модели» (то есть геополитического, военно-силового, «политреалистического» видения) будущего мира у России при любом политико-идеологическом повороте ее развития нет благоприятных внешних перспектив: она слишком слаба экономически и в военном отношении; слишком велики «ножницы» между ее формальным статусом и реальными возможностями; слишком малы шансы на изменение ее относительных положения и веса к лучшему в ближайшие 10-15 лет (ранее 2010-2015 гг.). В мире голой силы уважать РФ не за что, основанием считаться с ней служит лишь ядерное оружие (причем политическая действенность этого основания может потребовать подтверждения, а значит, объективно повышает риск применения ядерного оружия в ближайшие годы). Стратегической надеждой РФ в пределах этой модели были бы особо доверительные, тесные и привилегированные отношения с США (вряд ли возможные при сохранении ядерного потенциала России); и/или же упование на развал США и Запада изнутри — тогда относительный вес России в Евразии и мире может возрасти, ее положение укрепиться.

В рамках «трехмерной модели» Россия пока политически и, что важнее, функционально находится за пределами техносферы, а потому ее стратегическая задача: из системы обслуживания техносферы (где Россия с ее энергосырьевым экспортом объективно находится ныне, и где ее хотели бы закрепить, но без ядерного оружия и без способности создавать технологии будущего) перейти со временем в саму техносферу, но в условиях параллельного создания и развития демократического мирового сообщества государств (в ином случае вхождение в техносферу может сопровождаться опасным ослаблением фактической самостоятельности России). Возможно, сперва на статус и роли не ведущего плана, но все же не остаться за ее пределами. Стартовые позиции для этого у России еще есть. Возможность занять и удержать такое место будет определяться не только отношением США и Запада, но и способностью самой России устойчиво и надежно выполнять значимые для техносферы, не символические функции, совместимые с интересами ее собственного восходящего развития и способствующие последнему и национальной безопасности страны. Долговременным интересам РФ и целям ее развития более всего отвечала бы плавная эволюция современной системы международных и межгосударственных отношений в сторону демократизации, разворота к слу-

жению интересам «среднего» слоя государств, занимающих в социально-экономической статистике ООН примерно 20-70-е места.

Центральная и самая серьезная дилемма России: то, что в целостный глобализирующийся мир, где правят экономика и финансы, она входит, внутренне пока не готовая к конкуренции на тех уровнях и в тех сферах, которые определяют положение государств в иерархии современных мировых экономики, политики, развития. При этом не готовая в самой опасной для нее сфере: в качестве ее социальной и политической элит, их компрадорском характере, в господстве перераспределителей над производителями.

Россия, дающая менее 1,5 процента мирового ВВП, фактически входит в систему глобализирующегося мира примерно с такими же возможностями влиять на формирование международно-политической его организации, с какими дотационный субъект РФ, занимающий 30-35-е место из 89, может претендовать на формирующее влияние по отношению ко всей внутренней и внешней политике Кремля. Уйти от существенного усиления направляющих воздействий извне в системе внутриглобальных отношений не только невозможно — вредно с точки зрения перспектив развития страны. Важнее суметь встроиться в систему и использовать ее возможности в интересах подъема России.

Самым трудным будет первое десятилетие XXI века: США все еще пребывают в эйфории собственного могущества; статус регионов и стран «второго эшелона» (ЕС, Япония) заметно упал с распадом СССР и вызванными этим последствиями; а сама Россия слаба не столько экономически, сколько в степени самостоятельности ее социального и политико-стратегического мышления.